

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.51

О. А. Шитц

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКЕ АТРИБУТОВ АКТАНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКОГО И ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматривается вопрос о семантическом распределении словоформ, выполняющих функцию атрибута актанта в финском и селькупском языках, который раскрывается с помощью модели «грамматики словоформы», разрабатываемой А. П. Володиным. Несмотря на генетическое родство указанных языков, они обнаруживают принципиальные различия в исследуемом вопросе.

Ключевые слова: «грамматика словоформы», атрибуты актанта, функциональная определенность, семантическая избирательность, уральские языки.

Прежде чем говорить о семантическом распределении, считаем необходимым пояснить термин «атрибут актанта». Данный термин впервые был предложен А. П. Володиным в рамках модели грамматики, разрабатываемой на материале чукотско-корякских языков, позволяющей адекватно отразить те особенности грамматических систем, которые присущи языкам неиндоевропейской семьи [1–3].

В модели «грамматики словоформы» провозглашен примат функции над семантикой корня и над экспонентом, внешней формой языкового знака. Различаются три синтаксические функции: предикат, актант и атрибут, причем последний выступает в двух вариантах, поскольку может быть как у предиката (Атр₁), так и у актанта (Атр₂). Эти функции организованы иерархично [1–3], причем степень обязательности их реализации различна в зависимости от яруса.

Предикат (ярус I) обладает абсолютной обязательностью – без предиката никакое высказывание невозможно.

Среди актантов (ярус II) наивысшей степенью обязательности обладает так называемый первый актант (иногда характеризуемый как «единственный» или «субъект»); все другие актанты могут быть как обязательными, так и необязательными.

Наконец, функциональная группировка атрибутов (ярус III) оценивается автором как необязательная.

Различие трех иерархически организованных синтаксических функций (предикат – актант – атрибут) представляется универсальным. При этом фор-

мальное различие Атр₁ и Атр₂ не может быть охарактеризовано как универсальное, что подтверждается материалом уральских языков. Классификация языковых единиц по семантическому параметру также является универсальной (ср., например, статью в ЛЭС «Части речи», с. 578–579). В «грамматике словоформы» выделяются три семантические группировки: 1) предмет (вещество), 2) признак, 3) дейксис (указание). При этом семантика признака, в отличие от семантики предмета (вещества)¹, реализуется в четырех разновидностях:

- а) динамический (процессуальный) признак;
- б) статический (качественный) признак;
- в) локально-темпоральный признак;
- г) количественный признак.

Более адекватным представляется рассматривать эти варианты не как отдельные семантические группировки, а именно как различные реализации семантики признака. Первичной, «естественной», синтаксической функцией словоформ призначной семантики является предикат:

- а) *мальчик учится* (процессуальный признак);
- б) *мальчик умный* (качественный признак);
- в) *мальчик издалека* (локальный признак);
- г) *мальчиков трое* (количественный признак).

В группу «в» объединены словоформы локально-темпоральной семантики, однако словоформам темпоральной семантики несвойственно функционировать как предикат: **хлеб рано/поздно/вчера*. Для этих словоформ естественной является функция атрибута (в терминах Л. Теньера – сирконстанта): *хлеб испечен рано/поздно/вчера*. Если же эти

¹ Дейктическая семантика в настоящее время не является предметом нашего внимания.

словоформы поменяют оформление, то они смогут функционировать и как предикаты: *хлеб ранний/поздний/вчерашний*, т.е. в данном случае мы констатируем значимость формального параметра.

Итак, функциональная определенность тесно связана с семантической избирательностью, которую мы трактуем как «естественность», или «первичность», семантического параметра для той или иной функции словоформы. Так, первичной для функциональной группировки предикатов является процессуальная семантика, для группировки актантов – предметно-вещественная семантика, а для атрибутов актанта – качественная. Кроме того, в указанные классы могут включаться корни иной, чуждой семантики, которые в таком случае должны получить транспонирующие показатели, с помощью которых образуются основы словоформ данного функционального класса (в традиционных терминах – отыменные глаголы, отглагольные имена, отглагольные прилагательные, отыменные прилагательные). Подобные процессы характерны для всех языков, имеющих морфологию.

Таким образом, взаимоотношение функционального и семантического параметров может быть «естественным», или «первичным», и «вторичным», когда словоформы «чуждой» семантики выполняют данную синтаксическую функцию. Это очень ярко проявляется в функциональной группировке атрибутов актанта.

Традиционно функцию определения (в терминах русской теории членов предложения) принято соотносить с «частью речи» *имя прилагательное*, которое, в свою очередь, может быть как качественным, так и относительным, ср.: «По-видимому, универсальным является деление прилагательных на качественные и относительные» [4, с. 397]. Это связано с формальными причинами. Так, для выражения относительного признака предмета в индоевропейских языках, в частности в русском, используются показатели атрибутивных словоформ качественной семантики, например: *больш=ой*, *большая=ая*, *большое=ое* (какой), ср.: *золот=ой*, *золот=ая*, *золот=ое* (из чего сделанный), *отцовск=уй*, *отцовск=ая*, *отцовск=ое* (кому принадлежащий), поэтому такие словоформы и принято называть *относительными именами прилагательными*. Но далеко не всегда наблюдается подобная формальная симметрия. В уральских языках «относительные прилагательные» в большинстве своем не принимают никаких показателей вообще, а выступают в форме основного падежа, часто образуя при этом композиты, как, например:

фин. *rautatie* «железная дорога» (железо/дорога);
puutalo «деревянный дом» (дерево/дом);

hopeakolikko «серебряная монета» (серебро/монета).

Кроме того, в прибалтийско-финских языках, в частности в финском языке, где «прилагательные» оформляются как «имена» (т.е. согласуются с актантами в числе и падеже), «качественные и относительные прилагательные» ведут себя по-разному, ср. *kylmä=ssä talo=ssa* «в холодном доме», но *puutalo=ssa* «в деревянном доме», *isän talo=ssa* «в отцовском доме» (в доме отца), *isäni talo=ssa* «в доме моего отца» и т.д.

Таким образом, мы считаем некорректным и неадекватным называть описанные выше словоформы индоевропейским термином «относительные имена прилагательные». С точки зрения «грамматики словоформы» в данном случае наблюдается именно привлечение словоформ «чуждой» семантики в функциональную группировку атрибутов актанта. «Качественные» и «относительные» атрибуты актанта не должны оформляться одинаково, так как они представляют разную семантику: (качественного) признака и предметно-вещественную. Об этом же свидетельствует тот факт, что у «относительных» атрибутов отсутствует категория сравнения, причина чему – *семантическая несоместимость*.

Отметим, что некоторые ураллисты говорят об *адъективных формах существительных*, или *адъективной репрезентации существительных*, считая эти термины более адекватными для уральских языков сравнительно с «относительными прилагательными» [5, 6].

Следующая группа атрибутов актанта объединяет словоформы локально-темпоральной и количественной семантики, которые в русском языке оформляются так же, как и *качественные* и *относительные имена прилагательные*, ср. *задн=уй двор*, *передн=ая дверь* (где находящийся), *зимн=ее время*, *поздн=уй визит* (к какому моменту относящийся), *перв=ая любовь*, *четверт=ый ряд* (который по счету). В финском языке у указанных словоформ также прослеживается формальное уподобление актантным словоформам, т.е. согласование в числе и падеже, например: *suomalainen sauna* «финская сауна» – *suomalaise=ssa sauna=ssa* «в финской сауне», *suomalaise=sta sauna=sta* «из финской сауны» (где?); *kesäinen päivä* «летний день» – *kesäise=nä päivä=nä* «летним днем», *kesäise=n päivä=n* «летнего дня», *kesäisi=ä päivi=ä* «летние дни» (когда?); *toinen rivi* «второй ряд» – *toise=lla rivi=llä* «на втором ряду», *toise=lla rivi=llä* «со второго ряда», *toise=t rivi=t* «вторые ряды» (сколько?) и т.д.

В качестве атрибутов актанта функционируют и словоформы с семантикой процессуального признака, традиционно называемые *причастиями*. В индоевропейской грамматической системе эти словоформы маркируются теми же суффиксами, что и *качественные* и *относительные прилагательные*:

Продолжение табл. 1

1	2
саг (об. С, тым.) «черный»	ўттобилъ (кет., ел., тур.) «береговой»
тяг ~ тягэ (об. Ч), тег (об. Ш), тяк (тым.) «белый»	хугулжэл (об. Ч) «задний»
орсэ (об. С, Ш) «сильный»	тагэл (вас.) «летний»
вэри (об., кет., вас.) «злой, хитрый»	шиндаль (тур.), шидэмжэл (об. Ч, вас.) «второй»

ср.: в русском языке читающ=ий мальчик, читающ=ая девочка, читающ=ее устройство, согласуясь с именем в числе, падеже и роде. «Причастные» атрибуты актанта представляют собой «свернутые» предикативные конструкции: читающий мальчик <мальчик, который читает>, так же, как мы учимся в хорошей школе <мы учимся в школе, (наша) школа хорошая>. Такой процесс закономерен, поскольку указанные словоформы, в традиционной грамматике трактуемые как отглагольные формы, по своей первичной семантике выражают признак, и поэтому способны функционировать как атрибуты актанта.

Отметим, что, например, в финском языке, где словоформы призначной семантики согласуются с именами в числе и падеже, в то время как «относительные» не согласуются, причастные формы в функции атрибута актанта сохраняют согласование в числе и падеже, например: *lukeva poika* «читающий мальчик», *lukeva=t poja=t* «читающие мальчики», *lukeva=Ile poja=Ile* «читающему мальчику», *lukev=i=Ile poj=i=Ile* «читающим мальчикам» и т. д. В данном случае это является свидетельством семантической совместимости таких «прилагательных» и причастий, поскольку и те и другие обладают призначной семантикой, в отличие от «относительных прилагательных» с предметно-вещественной семантикой.

В селькупском языке отсутствует явление согласования атрибутивных словоформ с актантами. Атрибуты актантов качественной семантики имеют вид чистой основы, тогда как относительные локально-темпоральные и количественные атрибутивные формы маркированы суффиксом -ль (-л) или -й (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Качественный атрибут	Относительный атрибут
1	2
қыба (об., вас., кет.) «младший, маленький»	торгол (об. Ч, вас.) «шелковый»
варг (об., тым.), ворк (кет.), варг (нар.) «большой, старший»	твей (об. С, кет.), твэл (об. Ч) «берестяной»
сва (об. Ш, тым.), хва (об. Ч, вас.), сво (кет.), вā (нар.) «хороший»	пōй (об. Ш), пōл (об. Ч, вас.), пūй (кет.) «каменный»
шанд (об. Ч, Ш) «новый, молодой»	кагаль (тым.) «могильный»
пырг ~ пырг (об. Ч), пирг (об. Ш, кет.) «высокий»	лымбэл (об. Ч) «болотный»

Из табл. 1 видно, что безэлевые формы соотносятся с четырьмя семантическими классами, представляющими ядро атрибутивной группировки, а именно словоформы с семантикой возраста, размера, цвета и оценки [7]. В свою очередь, относительные адъективные формы принято квалифицировать как периферию указанной группировки, что подтверждается на морфологическом уровне фактом маркирования данных форм специальным показателем. Таким образом, в селькупском языке семантическая избирательность функциональной группировки атрибутов актанта представляет собой достаточно четкое различие на формальном ярусе «первичной» и «вторичной» семантики корня.

Следует заметить, что в отдельных диалектах и говорах встречаются производные формы качественных «прилагательных», но у них имеются аналогичные не оформленные суффиксами формы, например: *пуда ~ пудал* (об. Ч) «гладкий, мягкий, тихий, смиренный», *шара ~ шараль* (вас., тым., тур.) «твердый, жесткий, крепкий», *ава ~ авай* (об. С) «плохой, скверный», *тегы ~ тегый* (кет.) «белый», *вэри ~ вэрыл* (об., кет., вас.) «злой, хитрый, вороватый», *орсэ ~ орсэй* (об. С, Ш) «сильный» и т. д. Наличие подобных пар демонстрирует тот факт, что языковая система оказывает давление и на словоформы «первичной» семантики, заставляя их следовать «правилу» обязательного маркирования словоформ «чуждой» семантики в функции атрибута актанта. Заметим при этом, что авторы очерка тазовского диалекта селькупского языка приводят две элевые формы качественной семантики (*wərgyl'* наряду с *wərgu* «большой» и *simryl'* наряду с *simru* «длинный»), которые «являются на самом деле производными не от самого безэлевого прилагательного, а от совпадающего с ним имени (*wərgu* „величина, размер“) и значит не „большой“, а „размерный“, т. е. являются относительными прилагательными» [6, с. 349]. В данном случае, по нашему мнению, играет роль тот факт, что селькупский язык – бесписьменный, т. е. ненормированный, поэтому информант дает примеры так, как считает

нужным. Таким образом, этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

В отличие от финского языка причастные формы, выступающие в функции атрибута актанта, в селькупском языке в большинстве своем имеют те же маркеры, что и относительные атрибуты, а именно *-ль (-л)/-й* [8], например: *карамбытий иҕа* (ел.) «шутливый ребенок» (от *карамбыҕо* «шутить»), *абтезой* (об.) «душистый» (от *абтигу* «пахнуть»), *кэттель* (об.) «вбитый» (от *кэттигу* «вбить»), *пербал* (нар.) «жареный» (от *пербэгу* «жарить»), *уджэьтал* (нар.) «работающий» (от *уджэьгу* «работать») и т. д.

Подводя итог вышеизложенному, отметим тот факт, что уральские языки (в частности, финский и селькупский) реагируют на семантику «своя» – «чужая», тем самым подчиняя формальное выражение семантической избирательности, в отличие от индоевропейских языков (в частности, русского), где функция жестко задает форму, и, таким образом, словоформы качественной, предметно-вещественной, локально-темпоральной, количественной и процессуальной семантики в функции атрибута актанта маркируются одинаково.

Итог нашего исследования представлен в табл. 2:

Т а б л и ц а 2

Язык	Семантика	
	«Свой»	«Чужой»
Финский	Семантика качественного, локально-темпорального, количественного и процессуального признаков	Предметно-вещественная семантика
Селькупский	Семантика качественного признака	Локально-темпоральный, количественный, процессуальный признаки и предметно-вещественная семантика

Финский и селькупский – уральские языки, т. е. связаны генетическим родством, однако они обнаруживают принципиальные различия в семантическом распределении словоформ в функциональной группировке атрибутов актанта. Так, в финском языке деление на «свой» – «чужой» производится по параметру «призначная семантика – предметно-вещественная семантика». Призначная семантика маркируется согласованием в числе и па-

деже, что объясняется контактным влиянием индоевропейских языков. В селькупском языке в качестве формального класса «свой» выделяется семантика качественного признака, которая не получает никакой маркировки («чистый корень»), тогда как все остальные семантические группировки относятся к классу «чужой» и маркируются специальным показателем (так называемые *элевые формы*).

Список сокращений диалектов и говоров селькупского языка

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нар. – нарымский диалект; об. – обский ареал; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – обский говор Шёшкум и Шёшкуп; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект.

Список литературы

1. Володин А. П. Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // Язык и речевая деятельность. СПб., 2000. Т. 3, ч. 1. С. 24–44.
2. Володин А. П. К проблеме частей речи // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004. № 4. С. 23–28.
3. Володин А. П. Грамматика словоформы // Мат-лы II конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб., 2005. С. 131–145.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
5. Гашилов А. И. Становление и развитие адъективных форм существительных в грамматической системе селькупского языка // Мат-лы XXVIII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов (г. Санкт-Петербург, 15–22 марта 1999 г.). СПб., 1999. Вып. 4: Секция финно-угорского языкознания. С. 38–40.
6. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1980. Т. 1. 412 с.
7. Dixon R. M. W. Adjective classes: a cross-linguistic typology / ed. by R. M. W. Dixon, Alexandra Y. Aikhenvald. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2004. 370 p. (Oxford linguistics) (Explorations in linguistic typology; vol. 1).
8. Зырянова Е. В. Вопросы морфемного членения селькупского глагольного слова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2002. Вып. 1 (29). С. 43–46.

Шитц О. А., ассистент.
Томский государственный университет.
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.
E-mail: shitz@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 29.12.2011.

O. A. Shits

**ON THE ISSUE OF SEMANTIC DISTRIBUTION IN THE FUNCTIONAL GROUPING OF ACTANT ATTRIBUTES
(DATA: SELKUP AND FINNISH LANGUAGES)**

The article deals with the problem of semantic distribution in the functional grouping of actant attributes in Finnish and Selkup languages. The analysis is based on the principals of “the word-form grammar”, which is being developed by A. P. Volodin. In spite of the genetic relationship of the above-mentioned languages, they reveal basic distinctions in the investigated question.

Key words: “word-form grammar”, actant attributes, functional distinctness, semantic selectiveness, Uralic languages.

Tomsk State University.
Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: shitz@ngs.ru